

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-95-104

УДК 297.1:398

Содержание статьи

Информация о статье

*Ф.А. Алиева*¹,
*Ф.Х. Мухамедова*²

Введение
Воздействие ислама на календарно-обрядовую поэзию народов Дагестана
Заключение

Поступила в редакцию:
10.06.2017.
Передана на рецензию:
18.06.2017.
Получена рецензия:
02.07.2017.
Принята в номер: 25.09.2017.

О влиянии мусульманской религии на жанры фольклора народов Дагестана (На материале календарно-обрядовой поэзии)

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук; folkloriyali@mail.ru; fmuhamedova@mail.ru

Проблема влияния мусульманской религии на устно-поэтическое творчество имеет большое значение в исследовании духовной культуры народов Дагестана на современном этапе. В данной статье ставится задача рассмотреть воздействие ислама на один из древнейших жанров фольклора – календарно-обрядовую поэзию, ставшую основой всей последующей поэтической традиции народов Дагестана. В течение многих веков календарные обряды и сопровождавшая их поэзия подвергались влиянию времени, общественных отношений, религии, в ряде случаев трансформировались и переосмысливались.

В процессе анализа календарно-обрядовой поэзии нами выявлено, что с принятием ислама многие элементы в песнях, заклинаниях и заговорах, связанных с обрядами вызывания дождя и солнца, утратив свою первоначальную функциональную роль, были вытеснены мусульманскими мотивами. Иногда же, переплетаясь с древней архаикой, религиозные понятия создавали своеобразный синкретизм языческих и мусульманских верований. Данный тезис подтверждается анализом конкретного фактического материала как самих обрядов, так и сопровождающих их текстов.

Авторы статьи приходят к выводу, что поэтические особенности многих песен-заклинаний иллюстрируют сращивание культов языческих божеств, древних верований с мусульманскими образами, понятиями и представлениями.

Ключевые слова: *календарно-обрядовая поэзия, народы Дагестана, языческие божества, ислам, синкретизм.*

¹ *Фатима Абдуловна Алиева* – зав. отделом фольклора, кандидат филол. наук, orcid.org/0000-0001-8544-1179.

² *Фатима Хамзаевна Мухамедова* – главный научный сотрудник, доктор филологических наук, orcid.org/0000-0002-0125-5799.

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-95-104

	The content of the article	Information about the article
UDC 297.1:398	Introduction.	Received: 10.06.2017.
<i>F.A. Aliyeva</i> ¹ ,	The impact of Islam on the calendar-ritual poetry of the peoples of Dagestan.	Submitted for review: 18.06.2017.
<i>F.H. Mukhamedova</i> ²	Conclusion.	Review received: 02.07.2017.
		Accepted for publication: 25.09.2017.

On the Influence of Muslim Religion on Dagestani Folklore Genres (Calendar-Ritual Poetry-based Study)

Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Research Centre of the Russian Academy of Sciences; folkloriyali@mail.ru ; fmuhamedova@mail.ru

The problem of the Muslim religion impact on oral and poetic creativity is of great importance in the study of the spiritual culture of the peoples of Dagestan at the present stage. The purpose of the article is to analyze calendar-ritual poetry as one of the oldest genres of folklore, which became the basis for all subsequent song poetry traditions of the peoples of Dagestan. Through many centuries, calendar rites and the poetry accompanying them were exposed to the influence of time, social interactions, religion, and, in some cases, they metamorphosed and were given a new meaning.

The study has revealed that with the adoption of Islam many songs related to rain and sun making lost their original function and were ousted by new concepts. Frequently, the intertwining of the new and ancient views produced syncretic Moslem and paganish beliefs. This is confirmed by the analysis of both the rituals and their accompanying texts.

The authors conclude that the poetic characteristics of many spell songs illustrate the fusion of the cult of pagan deities and ancient beliefs with Muslim characters, concepts and representations.

Keywords: *calendar-ritual poetry, the peoples of Dagestan, pagan deities, Islam, syncretism.*

Введение

Исследование истоков духовной культуры дагестанских народностей, обращение к их национальным традициям, обычаям и эстетическим идеалам – одна из первоочередных задач современности. Она приобретает особую значимость и актуальность в связи с ростом этнического самосознания, с теми политическими, социальными и религиозными процессами, которые особенно активизировались в последние десятилетия, в частности на Северном Кавказе, и в особенности с возрождением исламских ценностей. Имея более чем тринадцативековую историю, ислам в Дагестане «стал выдающимся

¹ *Fatima Abdulovna Aliyeva* – Cand. Sc. (Philology), head of the Department of Folklore, orcid.org/0000-0001-8544-1179.

² *Fatyma Khamzaevna Mukhamedova* – Dr. Sc. (Philology), chief researcher. orcid.org/0000-0002-0125-5799.

явлением во всех сферах жизни дагестанского общества: социальной, культурной, идеологической» [14, с. 97].

Изучение ряда факторов, сыгравших важную роль в возрождении ислама и способствовавших его культурно-историческому развитию, – задача для специального исследования. Нас же в большей степени интересует воздействие ислама на устно-поэтическое творчество, в частности на календарно-обрядовую поэзию народов Дагестана.

Воздействие ислама на календарно-обрядовую поэзию народов Дагестана

Обряды и обрядовая поэзия народов Дагестана – это художественный памятник многих столетий и живое отражение сельскохозяйственных процессов и быта прошлого. Зародившаяся в результате земледельческого и скотоводческого труда на основе языческого миропонимания древних людей календарно-обрядовая поэзия стала основой всей последующей песенной фольклорной традиции народов, населяющих Дагестан. «Обладея глубоким социально-художественным содержанием и сохраняя в своей основе мировоззрение древних земледельцев и скотоводов, обрядовые песни донесли из глубин веков до наших дней отзвуки прошлого, предельно обобщенные и емкие образы, словесные формулы, широкий круг аспектов общеисторического и конкретно-национального характера» [9, с. 9].

Утверждение ислама в Дагестане оказало сильное влияние на фольклорные произведения, в особенности на календарно-обрядовую поэзию. Однако к каждому жанру фольклора следует подходить с учетом его отношения к действительности, идеологической направленности, функции, эстетической сущности и т. д. Как отмечает А.М. Аджиев, «если героический эпос, идейно противоположный исламу и основным признаком которого является «борьба и победа» (В.Я. Пропп), как таковой в целом отрицался последним, то мифологические произведения, типологически сближающиеся с идеологией ислама или же не столь антагонистичные с нею, а также связанные с трудовой деятельностью человека, с бытом, могли полностью и не отрицаться исламом, а лишь преобразовываться» [1, с. 16], т. е. переосмысляться, создавая своеобразный синкретизм языческих и мусульманских представлений народа.

Обрядовая поэзия как одна из форм выражения народного самосознания, связанная с трудовой деятельностью и семейным бытом, т. е. с важнейшими и повседневными регламентирующими жизнь народа явлениями, частично сохранилась с архаичными рудиментами, но в большей мере тоже была трансформирована.

Сложившиеся на начальной стадии развития земледелия календарные обряды «проводились в течение многих веков, подвергаясь воздействию времени, обстановки, религии, общественных отношений, в ряде случаев изменяя свою ритуальную сущность» [9, с. 11–12]. Такое переосмысление первоначальных функций можно отметить как во многих обрядах народов Дагестана, так и в сопровождавших их песнях. К примеру, у лакцев вплоть до 40-х годов XX в. существовал обряд встречи зимы «*Къяурайх буккан*» («Ходить козлами»), описанный Х.М. Халиловым [11, с. 125]. После окончания молотьбы молодежь шила из войлока специальные маски с бородой и рогами, напоминающие козла. Группа парней («козлов») надевала вывернутые наизнанку тулупы и маски и ходила по дворам. «Козлам» разрешалось всё, даже непристойные шутки. Они кричали, подпрыгивали, бодались, гонялись за женщинами и детьми, зайдя в чей-нибудь двор, устраивали в нем веселье. Порою один из «козлов» падал «замертво» на пороге дома. Люди спешили к нему, начинали выражать сожаление о его «смерти». Хозяин дома должен был подарком «воскресить козла». Получив подарок, «козел» по ус-

ловному сигналу вскакивал на ноги («воскресал») к всеобщей радости и вновь начинал смешить народ. Он подбегал к хозяину и танцевал вокруг него, благодарил за подарок. После этого процессия направлялась к следующему дому.

Собранные продукты (мясо, хлеб, бузу) грузили на вычюных животных, специально нанятых для этого случая, или на арбу. Потом с песнями, танцами молодежь возвращалась домой и устраивала веселье. Молодежь, сопровождавшая «козлов», пела песни, а позже, с утверждением мусульманской религии, их исполняли ученики примечетских школ – муталимы. Они восхваляли Аллаха за благодать, за хороший урожай, а также желали хорошего урожая и приплода скота и в следующем году.

В обряде, как видим, присутствуют отголоски, фрагменты наиболее ранних мифологических представлений древней культуры. Здесь и ритуальные магические действия с участием ряженого и такие атрибуты архаики, как «смерть» и «воскресение козла», символизирующие смерть и воскресение природы. Вместе с тем в песне, сопровождающей данный обряд, нашли отражение элементы поздних наслоений, в частности мусульманской религии. Так, в обряд введено одаривание совершающих этот обряд, т. е. им надо было дать *садака*, а они при этом говорили:

Дулайминнан арс аннав!	Тому, кто даст, да родится сын!
Къадулайнан душ баннав!	Тому, кто не даст, да родится дочь!
Мухаммадул уммат,	Люди Мухаммеда (мусульмане),
Жу бачІва гъан мабари!	Не верните нас с пустыми руками! (букв. пер.)

[11, с. 126].

Подобные обряды и обрядовые песни были распространены и у других дагестанских народов.

Обряды встречи весны у разных народов Дагестана очень сходны, и все они сопровождались песнями-заклинаниями. В дни проведения обряда разводили ритуальные костры. Их разжигали и через них прыгали, веря в то, что огонь имеет магическую и очистительную силу. В самом зажигании костров, как пишет Б.А. Рыбаков, «рациональное смешалось с ритуальным»: заодно на них сжигался всякий хлам и мусор [8, с. 316].

«Существенным признаком ритуальности костров в честь солнца, – отмечает З.Б. Рамазанова, – является их разжигание на возвышенностях – своеобразное стремление поднять огонь выше. Тем самым считали, что можно приблизить огонь к солнцу», что должно было ускорить наступление тепла [7, с. 71]. У лакцев перед прыжком через костер исполнялась следующая песня-заклинание:

Ттул цІуцІаву – цІарахъхъун,	Мои болезни – огню,
ЦІуллушиву – чурххахъхъун!	Здоровье – моему телу!
ЦІуллушиву дуллунав,	Пусть здоровье будет,
ЦІарал лама гуж хъуннав!	Пусть пламя костра усилится! [12, с. 69]

Характерно, что впоследствии в текст данной песни вклиниваются обращения к Всевышнему Аллаху с просьбой послать благо, достаток.

Даргинцами сел. Карацан Кайтагского района во время встречи весны также исполнялись магические песни. В них выражались пожелания, чтобы было много коров и овец, чтобы были дети, у кого их нет [6, с. 148]. Даргинская обрядовая песня «Ой, небо, небо» [6, с. 145] состоит из заклинаний дождя, непосредственно обращенных к небу («Пусть пойдет дождь... / Пусть с неба польется дождь!...»), и благопожеланий.

Праздник первой борозды у всех народов Дагестана сопровождался общим молением, жертвоприношениями, угощениями, песнями, танцами, соревнованиями в спортивных играх и скачках. В намеченный день пахарь надевал шубу шерстью наружу и косматую папаху (чтобы земля была такой же «косматой», хлебородной – согласно принципу имитативной магии). Когда пахарь начинал борозду, дети и взрослые забрасывали его комьями глины, снежками, размельченной соломой или сеном для того, чтобы дожди шли часто и трава росла густо. На рога быков прикрепляли круглый горский чурек, смазывали рога жиром, а соху обмазывали белой глиной. Перед началом пахоты обычно произносили молитву-пожелание (дуа), в которой многое сохранилось от языческих времен. Слову придавалось магическое значение.

Основное содержание обряда заключалось в стремлении людей с помощью ритуальных действий и магических слов создать условия для богатого урожая, «помочь природе его родить». Горцы с помощью таких действий и всевозможных магических заклинаний стремились вызвать дождь. Крестьяне из трав делали чучело – «Пешапай» (лезг.), «Травяная кукла» (лак.), «Земире» (кум.), «Гудил» (азерб., таб., тат.). На мальчика надевали чучело из трав (у кумыков – мешки с прорезями для глаз) и водили его по аулу. Каждый стремился облить водой не только мальчика, обряженного в чучело, но и детей, сопровождающих его. При этом восклицали: «Чтоб дождь промочил вас!».

С весенним равноденствием был связан мартовский, более древний, новый год, известный многим народам Востока, в том числе и народам Дагестана. Праздник весны у народов Дагестана имеет различные названия: у аварцев – «Ихх ч'араб къо» («День весны»), у даргинцев – «Х'ебла бери» («Весенний день»), у кумыков, ногойцев – «Навруз-байрам» («Праздник нового дня»), у лакцев – «Интнил х'хью» («Весенняя ночь»), у лезгин – «Яран сувар» («Праздник весны»), у табасаранцев – «Эвелцен», у татов – «Шэгъме-васал» («Весеннее пламя»), у агулов («Эбельцан»). Подробное описание обрядов у народов Дагестана, связанных с праздником весны, приводится А.Г. Булатовой в ее книге «Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана» [4, с. 141–175].

Элементы сращивания ислама с реликтами дагестанских культов божества, верований прослеживаются во многих песнях, сопровождающих обряд встречи весны, вызывания дождя, солнца и др. Так, в кумыкской обрядовой песне, посвященной празднику Навруз, в начальных строках приводятся следующие слова:

– Сююмлю агъалагъа	Любимым старшим братьям
Аллагъдан сыйлы салам!	От Аллаха священный привет!..

Далее следует обращение к Всемогущему Творцу:

Къувандырып яшатсын	Пусть очень радостную жизнь даст
Тенгирибиз – Къадир Халлакъ!..	Наш Тенгири – Всемогущий Творец!..
Тенгирибиз – Къадир Халлакъ	Наш Тенгири – Всемогущий Творец
Рагъмат булан къарады,	Милосердно отнесся,
Жан-жанывар тирилип,	Все живое возродилось,
Яшыл отлар яшнады...	Зеленые травы расцвели...

А в последующих строках вновь звучит обращение к Аллаху:

Жыйылдыкъ Навруз этип,	Собрались, совершая Навруз,
Кюллю халкъгъа дуа этип,	...За весь народ молитвы читая,

Бир Аллагь сюндюрсюн,
Дуабыз къабул этип!..

Пусть единый Аллах возрадуется,
Молитву нашу приняв! [9, с. 64–65]

У рутулов обряд встречи весны Навруз имеет рутульское название «Эр». В обрядовой песне, исполнявшейся при проведении праздника, «С праздником Эр поздравляем!» [8, с. 82–83], также можно проследить переплетение древних архаических элементов с мусульманскими верованиями.

В сел. Вихли Лакского района осла наряжали в зеленый наряд и водили его по аулу. Сельчане обливали его водой, приговаривая: «Да будет дождь!»

У аварцев известен обряд «Вызывание дождя» с участием центральной фигуры – Цадухама (*Цадухлама*) (букв. «дождевой осёл»), один из самых интересных обрядов вызывания дождя, записанный А.М. Абдурахмановым в с. Зубутли [6, с. 139–140]. Мы приведем его более подробно, так как в нем нашли отражение как древнейшие, так и трансформированные черты различных этапов мировоззренческих представлений и верований народа. Все ритуальные действия обряда сохранили свою архаическую форму, в то же время текст песни, сопровождающей обряд, претерпел влияние мусульманской религии (здесь и жертвоприношение, и использование мусульманского рефрена – *ла иллаха иллаха*, упоминание Аллаха и др.).

Данный обряд проводился с середины июня до середины августа в зависимости от погодных условий. В этот день утром совершали жертвоприношение: резали ягненка, кровь которого сразу же закапывали в землю, чтобы не доставалась собаке, кошке. Со шкурой ягненка, которую затем надевают на Цадухаму, группа подростков отправлялась в сад у реки Сулак, где будущего Цадухаму в одежде несколько раз окунали в речную воду, потом раздевали догола; мокрую одежду в сложенном виде прятали в прибрежных зарослях, чтобы она до конца совершения обряда не высыхала. Тело Цадухамы обмазывали вязкой черной глиной (грязью), так называемой *къоркъохлац* (букв. лягушиная грязь), после этого его обматывали и обвязывали свежесрезанной и мокрой травой (преимущественно растением *къоркъотламах* (букв. лягушиные листья). Голову покрывали шапкой-папахой (маской, тоже плетеной из травы и тонких кизилковых или айвовых побегов), оставляя прорези для глаз. К лицевой части маски прикрепляли козлиную бороду, а к затылочной привешивали шкуру ягненка. Перед шествием Цадухаму еще раз уже в маске окунали в воду или обильно обливали и приводили к камню, который обмазывали толстым слоем той же лягушиной грязи, предполагая, что обильный дождь, который пойдет по их просьбе, смочет с него грязь. Имя человека под маской Цадухамы сохранялось в строжайшей тайне, его знали только те, кто наряжал, но и им не разрешалось произносить его имя вслух. По пути к аулу ребята разыскивали и разрушали муравейники, оглушали лягушек, оставляли их лежать брюхом вверх под знойным солнцем: по народным представлениям, разрушенный муравейник, перевернутая брюхом вверх, живая, «просящая воду» лягушка – к дождю.

Для участия в обряде жители аула в ожидании появления Цадухамы собирались у выхода из сада. Они присоединялись к группе Цадухамы, и шествие направлялось в аул. Цадухама в своем «наряде» шел впереди процессии в окружении тех, кто его наряжал, двое из которых несли мешки, куда клали все, чем жертвовали аульчане ради удовлетворения Всевышним просьбы о вызывании дождя: мясо, кукурузу, фасоль. С крыши домов процессию, особенно Цадухаму, обливали водой, бросали также конфеты, другие яства. Затем готовили ритуальное блюдо «мугь», его раздавали всем жителям аула, при этом каждый раз произносили: «Просьба о дожде пусть сбудется!» («*Гьарараб цлад къабуллаги!*»). Цадухама исполнял песню «Вызывание дождя» и не прекращал её до окончания шествия. В самом начале песни и к каждому четверости-

шую одним из старших участников обряда произносился рефрен «ла-ил-ла-гъа ил-ла-лагъ», обычно речитативом, после чего Цадухама пропевал первую строчку, хор – вторую – и так до конца песни. Следующие строки песни иллюстрируют художественную поэтичность, образность, насыщенность символикой, магическим смыслом действий и слов, заклинаниями о необходимости дождя для садов, родников, посевов и скота:

Я-а-а-лагъу цІад баги,	Пусть Аллах дождь пошлет
ЦІал-цІалахъун магъилъе.	Струями на сады.
Мегъ-мегъалда щуцаги,	Все сады разольет,
Щоб-щобазла биххаги!..	По горам и долинам разойдется.
НакІказ зобал рахчаги,	Пусть тучи покроют небо,
Дунял щуцан, цІад баги,	Шум дождя обойдет весь мир,
ЦІоб гІатІадав Аллагъас	Щедрость Всевышнего
ГІалам рехун тогеги!..	Не оставит людей в беде!..
ГІисинал лъималазда	Маленьких детишек
ГурхІа, Аллагъ-бетІергъан!	Пожалей, Аллах!
МацІ лъалареб боцІуда	К скоту, не имеющему языка,
ЦІоб лъе, Аллагъ-бетІергъан!..	Будь благословен, Аллах!.. (букв. пер.) [6, с. 140].

Аварцы, как и другие народы Дагестана, в прошлом обожествляли воду, дождь, обращались к персонифицированному духу, от которого, по представлениям людей, зависело – быть дождю или нет. С принятием мусульманской религии более архаичные формы заклинания и заговоров были вытеснены, а Цадухама стал выполнять роль посредника между людьми и Всевышним в доведении до последнего просьбы (молитвы) о ниспослании дождя. В песне «Вызывание дождя», как и в обряде, сконцентрированы как архаичные, так и трансформированные в своей эволюции черты различных этапов развития – мифологических, тотемистических, мусульманских представлений и верований народа. Об этом свидетельствуют такие моменты, как жертвоприношение, привешивание шкурки ягненка и бороды козла к маске, обмазывание тела Цадухамы и камней «лягушиной грязью», разрушение муравейников и использование лягушки для вызывания дождя, бросание людей в воду и др. Характерно, что почти все ритуалы обряда сохранили свою архаическую форму, в то время как текст песни, трансформируясь, претерпел известное влияние мусульманской религии (рефрен, частое упоминание Аллаха и т. д.).

Следует подчеркнуть, что в обрядовой поэзии особенно выделяются песни-заклинания, сопровождающие обряды вызывания дождя, солнца. Они кратки, лаконичны, их содержание сводится к перечислению ряда действий, которым, по всей видимости, придавали особую магическую силу. С помощью этих песнопений «думали расположить в свою пользу воображаемые сверхъестественные силы природы. Песенные заклинания смыкались с магией, предохраняющей от враждебных сил, а также с такой магией, какая, по мнению людей, способствовала достижению материального достатка и удачи в делах» [3, с. 8].

Многие песни-заклинания непосредственно испытывают влияние элементов мусульманской религии. Так, в даргинских песнях-заклинаниях мысль о богатом урожае звучит в первой же строке [9, с. 101–102]:

Я Аллагъ, хъу дерхъаб,
Дерхъаб, дерхъаб!..
БукІунайла маза дерхъаб,
Зубрайла ряхІматли ванза белкъаб,
Ванзайла баракатли халкъ белкъаб,
Хъубзарала хъу дерхъаб!..

О Аллах! Пусть будет урожай,
Пусть будет урожай, пусть будет урожай!..
Чабанов овцы да размножатся.
Пусть земля водой напитается,
Дарами земли народ да насытится,
Пусть пашни пахарей заколосятся!..
(букв. пер.).

В селениях агулов люди выходили на равнину и молились и заклинали дождь: «О Аллах, дай дождя! Да будет дождь, да будет много дождя!» [9, с. 19].

В следующей аварской песне также звучит обращение к Аллаху ниспослать благодать и изобилие [9, с. 58]:

Их чѐму буго, цІум, цІум,
КъагІразул рачІал куйдузулІан,
ЧахІалъаги, цІум, цІум,
Цаназул лъурдул чундузулІан
ЧахІалъаги, цІум, цІум,
Баракат къеги, гъарза гъабеги, Аллагъ!

Весна пришла, орел, орел,
Да будут хвосты у ягнят
Как у баранов, орел, орел,
Да вырастут рога у козлят
Величиной с турьи, орел, орел,
Да будет благодать в изобилии, о Аллах!
(букв. пер.)

С утверждением ислама в Дагестане народные обряды стали проводить под руководством служителей культа. Так, при засухе у кумыков старейшина аула раздавал сельчанам на месте сбора сырое мясо, а мулла надевал на голову одной из женщин мешок с прорезью так, чтобы была видна голова. Затем талию женщины обвязывали длинной веревкой. Один из участников обряда держал конец веревки и водил женщину по берегу реки и среди сельчан, а народ обливал ее водой из кувшинов со словами: «О, Аллах, дай нам дождя!» После этой процедуры человек, водивший женщину, брал ее на руки и бросал в речку. Женщина выплывала так, чтобы люди ее не видели, и народ расходился [2, с. 138–139].

В Дагестане был известен и противоположный по своему назначению обряд – обряд вызывания солнца, связанный с культом плодородия. У лезгин он назывался «Ала пехъ», так называли и чучело с красным лицом, изображающим солнце. Обряд «Ала пехъ» [5, с. 27–29] исполнялся только женщинами. Шествие обходило селение, собирая со всех домов «пожертвования» (муку, хлеб, масло, сыр) и исполняя песню-заклинание. После завершения обряда все собранное съедалось на лужайке всеми участниками.

После принятия ислама образы языческих божеств у многих народов Дагестана (Бечед – у аварцев, Тенгири – у кумыков, Зал – у лакцев, Умчар – у табасаранцев, Кудай – у ногойцев, Йиниш – у рутулов) были вытеснены и заменены именем Аллаха. В ряде случаев они могут и переплетаться. Как отмечает Р.И. Сефербеков, многие табасаранские боги были поглощены образами исламских пророков, ангелов и святых со сходными функциями и характеристиками. «К таковым относятся архангел Джабраил, пророки Хизри и Сулейман, патроны кузнечества Дауд и Гьяфис и др.» [10, с. 46].

Языческий бог рутулов Йиниш, к которому непосредственно обращаются участники обряда вызывания дождя с просьбой, чтобы полил дождь, в ряде случаев в песнях-заклинаниях заменен Аллахом, Всевышним. А с песней «Эти дома, высокие дома» участники праздника встречи весны (у рутулов праздник «Эр») заходили в каждый дом, желали благоденствия хозяевам и, взывая к Аллаху и к Йинишу, заканчивали песню поздравлением с праздником «Эр» [9, с. 87–88]. У ногойцев при проведении обряда вы-

звания дождя также исполнялись песни-обращения: «Пусть пойдет дождь, о Аллах!», «Ячменя и пшеницы мы просим у Кудая!» [9, с. 89]. Здесь, как видим, соседствуют языческий бог Кудай с мусульманским Аллахом.

На поздних стадиях развития фольклора под влиянием ислама в обрядовых песнях народов Дагестана появляются непосредственные обращения к Аллаху, а также вставки изречений из Корана: «С именем бога милостивого и милосердного!», «Нет бога, кроме бога, Магомед – его посланник!» и др. У народов Дагестана толпа во время засухи заклинала иногда только одной фразой: «О Аллах, да будет дождь!» (дарг.); «О Аллах, пусть прольется дождь!» (лак.) Такие же фразы использовались и во время других действий.

Заключение

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод, что календарные обряды и поэзия, изначально проникнутые верой людей в магическую силу слова, ритуального действия, представлявшие собой сохранившиеся пережитки элементов языческих верований, с утверждением ислама наполнялись содержанием религиозного мусульманского характера, что нашло конкретное отражение как в самих обрядах, так и в сопровождающих их песенных текстах.

Литература

1. *Аджиев А.М.* Введение // Традиционный фольклор народов Дагестана. – М.: Наука, 1991. – С. 5–18.
2. *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. – Махачкала, 2004. – 427 с.
3. *Аникин В.П.* Календарная и свадебная поэзия. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 124 с.
4. *Булатова А.Г.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 288 с.
5. *Ганиева А.М.* Очерки устно-поэтического творчества лезгин. – М.: Наука, 2004. – 239 с.
6. Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С. 139–159.
7. *Рамазанова З.Б.* Обряды и обычаи производственного цикла у народов Дагестана (XIX–XX вв.) // Вестник Института ИАЭ. – 2012. – № 4. – С. 71–79.
8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
9. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. проф. М.И. Магомедова. Т. 6. Обрядовая поэзия / сост. *Х.М. Халилов, Ф.А. Алиева*; отв. ред. А.М. Аджиев. – М.: Наука, 2017. – 674 с.
10. *Сефербеков Р.И.* Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги демоны, верования, связанные с животными). – Махачкала, 2000. – 59 с.
11. *Халилов Х.М.* Календарно-обрядовая поэзия // Традиционный фольклор народов Дагестана. – М.: Наука, 1991. – С. 124–147.
12. *Халилов Х.М.* Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. – Махачкала, 1984. – С. 63–81.
13. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. проф. М.И. Магомедова. Т. 6. Обрядовая поэзия / сост. *Х.М. Халилов, Ф.А. Алиева*; отв. ред. А.М. Аджиев. – М.: Наука, 2017. – С. 9–42.
14. *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. – Махачкала, 2008. – С. 97–123.

References

1. Adzhiyev A.M. Vvedeniye [Introduction] *Traditsionnyy fol'klor narodov Dagestana* [*Traditional Folklore of the Peoples of Dagestan*]. Moscow. Nauka, 1991. S. 5–18.
2. Adzhiyev A.M. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo kumykov* [*Kumyk Folklore*]. Makhachkala, 2004. 427 s.
3. Anikin V.P. *Kalendarnaya i svadebnaya poeziya* [*Calendar and Wedding Poetry*]. Moscow. Izd-vo MGU, 1970. 124 s.
4. Bulatova A.G. *Sel'skokhozyaystvennyy kalendar' i kalendarnyye obychai i obryady narodov Dagestana* [*Agricultural Calendar and Calendar Customs and Ceremonies of the Peoples of Dagestan*]. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999. 288 s.
5. Ganiyeva A.M. *Ocherki ustno-poeticheskogo tvorchestva lezgin* [*Essays on Lezghian Folklore*]. Moscow. Nauka, 2004. 239 s.
6. Kalendarno-obryadovaya poeziya narodov Severnogo Kavkaza [Calendar-Ritual Poetry of the Peoples of North Caucasus]. Makhachkala, 1988. S. 139–159.
7. Ramazanova Z.B. Obryady i obychai proizvodstvennogo tsikla u narodov Dagestana (XIX–XX vv.) [The Production Cycle Rites and Customs with the Peoples of Dagestan (19th – 20th Centuries)] *Vestnik Instituta IAE* [*Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*]. 2012, no. 4. S. 71–79.
8. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [*Paganism with the Ancient Slavs*]. Moscow. Nauka, 1981. 608 s.
9. *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. / pod red. prof. M.I. Magomedova. T. 6: Obryadovaya poeziya / sost. Kh.M. Khalilov, F.A. Aliyeva; otv.red. A.M. Adzhiyev* [*The Collection of Folklore Records of the Peoples of Dagestan: in 20 vol. / under the editorship of Prof. M.I. Magomedov. Vol. 6: Ritual poetry / comp. Kh.M. Khalilov, F.A. Aliyeva; resp. edited by A.M. Adzhiev.*]. Moscow. Nauka, 2017. 674 s.
10. Seferbekov R.I. *Traditsionnyye religioznyye predstavleniya tabasarantsev (bogi, demony, verovaniya, svyazannyye s zhyvotnymi)* [*Traditional Religious Representations of the Tabasarans (Gods, Demons and Beliefs Associated with Animals)*]. Makhachkala, 2000. 59 s.
11. Khalilov Kh.M. Kalendarno-obryadovaya poeziya [Calendar-Ritual Poetry]. *Traditsionnyy fol'klor narodov Dagestana* [*Traditional Folklore of the Peoples of Dagestan*]. Moscow. Nauka, 1991. S. 124–147.
12. Khalilov Kh.M. Otrazheniye yazycheskikh predstavleniy v obryadakh i fol'klоре laktsev [The Reflection of Paganish Representations in the rituals and Folklore of the Laks] *Mifologiya narodov Dagestana* [*Mythology of the Peoples of Dagestan*]. Makhachkala, 1984. S. 63–81.
13. Khalilov Kh.M., Adzhiyev A.M. *Obryadovaya poeziya narodov Dagestana // Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. / pod red. prof. M.I. Magomedova. T. 6: Obryadovaya poeziya / sost. Kh.M. Khalilov, F.A. Aliyeva; otv.red. A.M. Adzhiyev* [*The collection of folklore records of peoples of Dagestan: in 20 vol. / under the editorship of Prof. M.I. Magomedov. Vol. 6: Ritual poetry / comp. Kh.M. Khalilov, F.A. Aliyeva; resp. edited by A.M. Adzhiev.*]. Moscow. Nauka, 2017. S. 9–42.
14. Shikhsaidov A.R. Rasprostraneniye islama v Dagestane [The Spread of Islam in Dagestan] // Shikhsaidov A.R. *Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana* [*Essays on the History, Source Studies and Archeography of the Medieval Dagestan*]. Makhachkala, 2008. S. 97–123.